

Далее в подразделе «О законах» определялись два важнейших положения, представляющих принципы территориально-законодательного устройства Российской империи. «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих» — гласила ст. 47 Основных законов Свода законов Российской империи. Следующая, ст. 48, указывает: «Законы в империи действуют или единообразно в общей их части или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими определяются в особенных законах, уставах и учреждениях».

Итак, в законодательной системе Российской империи сложился свод местных узаконений, отразивших условия развития страны. Законодательной системе России был свойствен достаточно высокий уровень толерантности к нормативным установлениям территорий, вошедших в состав империи.

С. И. Глушкова
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА¹

В современной науке постепенно утверждается многообразное понимание толерантности, которая первоначально односторонне отождествлялась с терпимостью и доступными отклонениями в соответствии с переводом латинского термина *tolerantia*. Разноплановость интерпретации толерантности сегодня включает в себя этическую устойчивость, предел устойчивости человека, устойчивость к конфликту, и в целом «широкое историко-эволюционное понимание толерантности как социальной нормы, определяющей устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макатуров (грант # 01-68428-000).

обществе»¹. Многие исследователи заняты сегодня поиском пределов, границ толерантности в научных, религиозных и других сферах жизнедеятельности человека, закономерно обращаясь в этих поисках к наследию западноевропейской, американской и русской мысли.

В русской политической философии темы, близкие толерантности в современном ее значении, рассматривались в конце XIX — первой половине XX в. такими мыслителями, как П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин и др., а в русской литературе — Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским.

Именно П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Н. А. Бердяев и П. А. Сорокин заложили в отечественной мысли основы философии прав человека, которая, к сожалению, стала возрождаться лишь спустя столетие, в конце XX в. Проблема толерантности стала ведущей в русской философии прав человека, которая в конце XIX — начале XX в. была поглощена персоналистскими и персоноцентристскими мотивами.

Так, П. И. Новгородцев (1866—1924), развивая и трансформируя идеи И. Канта о долге ради долга, о нравственной личности, утверждал, что личность должна быть не только нравственной, но и свободной. Только нравственная и свободная личность и могла, по его мнению, быть основой для построения общественного идеала. Не классовость, сословность, но нравственность и свобода должны были стать критериями развития личности и достижения общественного прогресса. П. И. Новгородцев критиковал и не принимал попытки представителей индивидуалистических теорий возвести личность в ранг идеала, в культ, ибо это вело к крайним формам освобождения личности: либо в виде общего уравнивания и освобождения как результата реализации принципов народовластия, народного суверенитета; либо в виде гармоничного объединения отдельных индивидов в единстве и др.

Важным этапом в понимании необходимости толерантного отношения личности к обществу и общества к личности

¹ Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии — к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 6.

стал, по мнению П. И. Новгородцева, кризис современного правосознания, проявившийся в крушении веры в общественную гармонию, в осознании утопии земного рая. Свидетельством этого кризиса стало понимание в обществе того, что «никакие сочетания и примирения не могут создать прочного равновесия и устранить антиномию личного и общественного начал»¹. Не примирение, а признание самостоятельности, независимости, допустимости личного и общественного начал было новым словом в общественной мысли России конца XIX в., наполненной мифами о гармонии равенства и свободы, об отождествлении демократии с признанием прав большинства.

Проблема толерантного отношения к правам отдельной личности и народов в целом нашла отражение во многих работах П. И. Новгородцева, в частности в «Государстве и праве». Так, здесь он утверждал: закономерно «государство все более склоняется перед властью права и признает руководящим началом своей жизни»², и во имя права государство допускает как границу своего господства свободную человеческую личность, признавая священность области личного самоопределения. Но с этим подходом, считал П. И. Новгородцев, должен быть совмещен, для ограничения крайностей, и другой: подчинение государства высшему принципу международного общения, допущение прав других государств и народов. Именно эти два подхода — соблюдение прав отдельной личности и народов в целом, по его мнению, должны стать бесспорными принципами будущего государства.

В этом государстве личность должна найти свой путь, уметь отстоять свои права во всех проявлениях общественной жизни: семья, класс, церковь, профессиональные и партийные организации, государственные институты и т. д. Всю эту совокупность различных прав личности Новгородцев объединял в одно самое существенное — право на достойное человеческое существование, которое он развивал в русской философии прав человека вместе с В. С. Со-

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 53.

² Новгородцев П. И. Государство и право // Вопр. филос. и психологии. М., 1904. Сент.—окт. Кн. IV (74). С. 397.

ловьевым и И. А. Покровским. Хотя этого права, как он отмечал, нет в современных декларациях, но оно должно «найти место в символе веры современного правосознания»¹.

Новые для русской философии прав человека понятия персонализма и трансперсонализма, личности как второй после народа «державы» развивал в начале XX в. И. А. Покровский (1868—1920). И. А. Покровский открыл в историческом и правовом процессе развития важную закономерность, объясняющую, по нашему мнению, невозможность России, как и любой другой державе, в одночасье изменить свои гражданские устои. Так, он отмечал: «Институты гражданского права всякого общества — семья, собственность, наследование и т. д. На поверхности, в области государственного устройства, могут произойти серьезные изменения — монархия может смениться республикой, аристократия демократией, а основы гражданского строя могут долго еще оставаться одними и теми же»².

Здесь, по нашему мнению, Покровский отстаивал толерантное отношение к отечественному историческому наследию, категорически не принимая утопические желания современников построить новое общество и государство, подвергая это наследие разрушению и забвению.

Разрешая традиционную дилемму права и нравственности в русле естественного права как «потерянной идеи права», которую ищет Новое время после господства исторической школы, И. А. Покровский выходит на глобальную проблему антиномии персонализма и трансперсонализма, обозначенную Ласком и Радбрухом, а также на вопрос взаимоотношений между личностью и государством. Если уровень персонализма, возводящий на пьедестал нравственную человеческую личность, низводит, по его мнению, в свою очередь государство и право до системы служебных средств в интересах развития личности, то уровень трансперсонализма выводит на первый план осуществляющуюся

¹ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 321.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2000. С. 49.

в праве справедливость как самостоятельный феномен, в котором только и находит свое оправдание существование человека. В менталитете России справедливость (особенно с приобретением в советский период классового характера) и стала, по нашему мнению, таким трансперсональным самостоятельным феноменом, в поисках которого утрачивали свой смысл феномены права и культуры, снижалась ценность человеческой личности. Как видим, И. А. Покровский представляет два воззрения на прогресс, отраженные в персоналистических (приемлющих толерантность) и трансперсоналистических (не приемлющих толерантность), доктринах, среди последних — религиозный фанатизм, коллективизм, социализм, коммунизм, фашизм и др. При этом в первых теориях возможен нравственный прогресс, влекущий за собой правовой и другие формы прогресса, установление социального прядка, благоприятного для творческой свободы личности, формирования самостоятельной и автономной личности. А в трансперсоналистических теориях прогресс во имя блага, справедливости неизменно оборачивается регрессом, тоталитарным подчинением личности государству, как об этом свидетельствует история, в силу субъективности оценочных категорий «благо» и «справедливость». Это и эксперименты большевиков по установлению пролетарской справедливости, и эксперименты нацистов по восстановлению в мире справедливости в их понимании, т. е. чистоты и господства арийской нации, и др.

Сквозной темой всех работ И. А. Покровского стала проблема личности и ее неотъемлемых прав, основными аспектами обеспечения которых должны были стать:

— формальные условия, обеспечивающие независимое юридическое положение личности в обществе и состоящие из начал определенности и прочности правопорядка;

— материальное содержание этого положения, которое «может быть лучше или хуже в зависимости от того, какие права признаются за человеческой личностью, какие стороны ее существования оказываются защищенными»¹; и здесь мы могли бы продолжить — насколько общество

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. С. 120.

и государство толерантно к любым проявлениям человеческой личности.

Важными для понимания толерантности — как допустимости права на уникальную неповторимую индивидуальность — являются три наиболее существенных научных положения И. А. Покровского по проблематике прав человека, отмеченные С. С. Алексеевым:

— идея о соотношении неотъемлемых прав человека с государством в целом, что проявляется в кульминации самоутверждения личности в государстве в юридическом отношении;

— идея обращенности неотъемлемых прав человека к человеку как духовной личности, что обуславливает взаимосвязь этих прав с политикой, духовными и нравственными началами людей; утверждение духовной сущности прав человека;

— утверждение права каждого на свою уникальную неповторимую индивидуальность, признание и защиту своей неповторимой самобытности; утверждение, ставшее весомым вкладом И. А. Покровского в правовую теорию, новой ступенью в теории неотъемлемых прав человека¹.

И если потребность человека в новых правах, таких как право на индивидуальность и право на достойное существование, возникает вследствие прогресса личности как субъекта прав, то приращение прав человека в государственной практике, допустимость и законодательное закрепление защиты прав человека на индивидуальность и на достойное существование проявляются, когда политика становится правовой и включает в себя толерантное (а не статичное, предвзято-предосторожное) отношение к человеческой личности.

Одним из первых в русской философии прав человека Покровский основательно доказал необходимость не только провозглашения прав человека, но и признания человека субъектом права, закрепления за ним субъективных прав, открыв для российской теории и практики совершенно новые права, такие как право на имя, собственное изображение,

¹ Алексеев С. С. Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000. С. 185.

индивидуальность, достойное существование, судебную защиту, возмещение убытков и др., расширяя сферу гражданско-правовых отношений.

В русском зарубежье многие мыслители (Н. А. Бердяев, Н. Н. Алексеев, П. А. Сорокин) обращались к проблемам толерантности, к трактовке прав человека через призму толерантного к ним отношения. Так, Н. А. Бердяев (1874—1948) отмечал: понять природу и характер человеческих прав можно, только безоговорочно приняв христианское происхождение свободы человеческой личности. Как утверждал Бердяев, «человеку нужно или гражданское к нему отношение, признание его прав, или братское к нему отношение, отношение свободной любви»¹. И если последнее было нереально в условиях провозглашаемого Бердяевым приоритета свободы совести, то школу гражданства обязаны были пройти все русские люди. В этой школе должно вырабатываться уважение к человеку и его правам, должно создаваться достоинство человека как существа, живущего в обществе и государстве, ибо «гражданином всякий быть обязан. Всякий может требовать уважения к своим правам, признания в нем человека, если даже нет любви»². Отрицая, как и многие русские либералы, совместимость свободы и равенства, Бердяев не принимал «человековластию» и «человекоубийства» как религии социализма. Н. А. Бердяев критиковал марксизм, и особенно его русский вариант, т. к. выступал отчаянным противником идеи класса, убивающей идею человека, считая, что это «убийство теоретически совершается в марксизме. В стихии русской революции оно совершается практически в размерах, еще не виданных в истории»³. Опасения Бердяева, что через лжерелигиозную идею товарищества класс убивает человека, действительно оправдались в XX в. в России и в мире целом, подтвердив идеи надклассовости права, несовместимости универсальных и классовых прав.

Утверждая необходимость толерантного отношения

¹ Бердяев Н. А. Класс и человек // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 82.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

к человеку и его правам со стороны общества, государства, Бердяев отождествлял незыблемые права личности с правами Бога в человеке¹. Подобный возврат Бердяева к теологической интерпретации естественного права не был заблуждением. Его мотивы объяснялись потребностью нравственного очищения правовой идеи в условиях мнимого конституционализма и утраты либеральной идеологией своей самостоятельности; поиском основ духовного обновления России; обращением к философским истокам Абсолютного и Вечного в период хаоса и смятения общества, когда настроение общества больше чувствовалось, чем познавалось рассудком².

Обращение к теологическим и нравственным основаниям естественного права, прав личности было в этот период закономерным для Н. А. Бердяева как представителя русской религиозно-нравственной философии права (основы которой были сформированы еще Б. Н. Чичериным), утверждающей в качестве высшей правовой ценности человеческую личность, которая «сама может быть носителем высших ценностей»³. Уникальность данного идеалистического направления русской философии права (П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, С. Л. Франк и др.) заключалась в специфике обращения философов-правоведов к проблемам обоснованности права нравственными нормами, в отказе от «апологии права и государства», которое в трактовке представителей позитивистского направления само хочет быть для человека безусловной ценностью, ибо государство «вообще не склонно признавать никаких высших над собой ценностей, в том числе ценности человеческой души или безусловного достоинства человека»⁴, в отказе от крайностей индивидуализма и коллективизма, в антропологизме мысли.

Своеобразная концепция толерантности, по нашему мнению, была разработана представителем русского зарубежья,

¹ Бердяев Н. А. Письмо 7. О либерализме // Бердяев Н. А. Философия не равенства. М., 1990. С. 147.

² Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1907. № 2. С. 795.

³ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 114.

⁴ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Русские философы. М., 1998. С. 268.

а с февраля 1949 г. и директором Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму П. А. Сорокиным (1889—1968).

Предвосхищая в своей концепции альтруистичного человечества идеалы современной философии, права, политологии, Сорокин рассматривал в качестве основ своей теории следующие идеи:

- гуманное отношение к преступникам, приоритет перевоспитания, а не наказания;

- терпимость к инакомыслию, инаковерию;

- раскрытие новой грани христианства: восприятие добродетели не только как нравственного идеала, но и как идеала социального;

- формирование созидательной энергии (как концентрации бескорыстной, созидательной любви) людей как двигателя общественного прогресса.

П. А. Сорокин не ограничивался лишь теоретическими изысканиями, а проводил и практические эксперименты, воплощая в жизнь свои мечты об альтруистичном человечестве. Так, исследуя потенциал альтруизма, сотрудники центра по методике Сорокина проводили эксперименты по изучению эффективности «метода добрых дел» альтруистического перевоспитания: среди студентов, медсестер и пациентов Бостонской психопатической больницы, среди «закоренелых преступников» из числа отбывающих наказание в тюрьмах штата Айова и др.¹ Эксперименты подтвердили, наряду с другими выводами, закон поляризации П. А. Сорокина. В соответствии с этим законом возможны позитивная (формирование конструктивных религиозных и моральных сил) и негативная (формирование деструктивных сил) поляризация как основные тенденции XX века. Приоритет той или иной тенденции, по его мнению, и должен был определить исход эпохальной борьбы сил в XX в.: либо апокалиптическая катастрофа в виде третьей мировой войны, либо новая великолепная эра. В связи с этим он возлагал надежды на способность общества к воспроизводству конструктивных религиозных и моральных сил (позитивной поляризации), способных создать новый культурный

¹ Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 229—330.

порядок. Среди таких конструктивных сил и факторов Сорокин рассматривал: сотрудничество представителей различных конфессий; появление пацифистских и ненасильственных движений; гуманитарную помощь, благотворительность, меценатство и др.¹

Постепенно тема толерантности стала ведущей в русской философии прав человека начала XX в. и философии прав человека русского зарубежья первой половины XX в. Сегодня в России вновь возрождается и тема толерантности, и философия прав человека, что свидетельствует о формировании новой парадигмы мышления, жизнедеятельности общества, правовой политики государства,— парадигмы, предполагающей толерантное отношение друг к другу личности, общества, государства на основе признания права каждого на индивидуальность и на достойное существование.

М. Р. Бабина
Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ПРИМЕНЕНИЮ В ЯЗЫКЕ ПРАВА ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

По поводу толерантности к использованию в языке права художественно-стилистических приемов существуют две точки зрения.

И юристы, и лингвисты, придерживающиеся первой точки зрения (мы назовем ее ригористической) солидарны в следующем: они настаивают на признании наличия специального законодательного стиля. Более того, стиль законодательных актов можно выделить в особый, самостоятельный стиль литературного языка. Законодательный стиль обычно приводят в пример как основу стиля официально-делового, или официально-документального².

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 62.

² Кожин А. Н., Брылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. С. 105.